

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Савел Прокофьевич Дикóй, купец,
значительное лицо в городе¹.

Борис Григорьевич, племянник его, молодой
человек, порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова
(Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

Тихон Иванович Кабанов, ее сын.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка,
отыскивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик
Дикóва.

Шапкин, мещанин.

Феклуша, странница.

Глаша, девка в доме Кабановой.

Барыня с двумя лакеями, старуха 70 лет,
полусумасшедшая.

Городские Жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове,
на берегу Волги, летом.

Между третьим и четвертым действиями
проходит десять дней.

¹ Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги, за Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин (*поет*). «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» (*Перестает петь.*) Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нештó!

Кулигин. Восторг! А ты: «нештó!» Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик!

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кудлигин (*показывая в сторону*). Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.

Кудлигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Бойтся, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что чело-века оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот, как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою статью, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно что ничего. Не отдаст он меня, он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли!

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пуцай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикóй и Борис, Кулигин снимает шапку.

Шапкин (*Кудряшу*). Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дикóй и Борис.

Дикóй. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать!

Дикóй. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстре-

чу попадаться»; тебе все нейдет! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты, как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?

Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой (посмотрев на Бориса). Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. (Уходя.) Вот навязался! (Плюет и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин. Ну, как не знать!

Борис. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пан-

сион, да оба вдруг и умерли в холеру; мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулигин. С каким же, сударь?

Борис. Если мы будем к нему почтительны.

Кулигин. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Борис. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

Кудряш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Борис. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

Кулигин. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Борис. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно.

Кудряш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

Кулигин. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

Кудряш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

Кулигин. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Борис. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!

Кудряш. Кто же ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступить, только бы он унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Борис. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! голубчики, не рассердите!»

Кудряш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хотя в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Шапкин. Одно слово: воин!

Кудряш. Еще какой воин-то!

Б о р и с. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

К у д р я ш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге, на перевозе, гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Б о р и с. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

К у л и г и н. Что это? Никак, народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

К у д р я ш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Б о р и с. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

К у л и г и н. И не привыкнете никогда, сударь.

Б о р и с. Отчего же?

К у л и г и н. Жестокые нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете,

что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами об таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: недоплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волочению, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить...

Б о р и с. А вы умеете стихами?

К у л и г и н. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был

Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть, что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростию и подаваниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Борис. Что ж бы вы сделали?

Кулигин. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и

употребил, для поддержки. Работу надо дать ме-
щанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Б о р и с. А вы надеетесь найти перпетуум-мо-
биле?

К у л и г и н. Непременно, сударь! Вот только бы
теперь на модели деньжонками раздобыться. Про-
щайте, сударь! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Б о р и с (*один*). Жаль его разочаровывать-то!
Какой хороший человек! Мечтает себе и счаст-
лив. А мне, видно, так и загубить свою моло-
дость в этой трущобе. (*Молчание.*) Уж ведь сов-
сем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет!
Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности за-
водить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влю-
бляться вздумал. Да в кого! В женщину, с ко-
торой даже и поговорить-то никогда не удастся.
А все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты
что хочешь... Вот она! Идет с мужем, ну, и све-
кровь с ними! Ну, не дурак ли я! Погляди из
угла, да и ступай домой. (*Уходит.*)

С противоположной стороны входят Ка б а н о в а ,
Кабанов, Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

К а б а н о в а. Если ты хочешь мать послушать,
так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе
приказывала.

К а б а н о в. Да как же я могу, маменька, вас послушаться!

К а б а н о в а. Не очень-то нынче старших уважают.

В а р в а р а (*про себя*). Не уважишь тебя, как же!

К а б а н о в. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

К а б а н о в а. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

К а б а н о в. Я, маменька...

К а б а н о в а. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

К а б а н о в. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

К а б а н о в а. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

К а б а н о в (*вздыхая, в сторону*). Ах ты, Господи! (*Матери.*) Да смеем ли мы, маменька, подумать!

К а б а н о в а. Ведь от любви родители и строгито к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А, сохрани Господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну, и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

К а б а н о в. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

К а б а н о в а. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слыхала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. (*Вздыхает.*) Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну, и согресишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

К а б а н о в. Да отсохни язык...

К а б а н о в а. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор, как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

К а б а н о в. В чем же вы, маменька, это видите?

К а б а н о в а. Да во всем, мой друг! Мать, чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

К а б а н о в. Да нет, маменька! что вы, помилуйте!

К а т е р и н а. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

К а б а н о в а. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

В а р в а р а (*про себя*). Нашла место наставления читать.

К а т е р и н а. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

К а б а н о в а. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

К а т е р и н а. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

К а б а н о в а. Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

К а т е р и н а. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

К а б а н о в а. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте, что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

К а б а н о в. Да мы об вас, маменька, денно и ночью Бога молим, чтобы вам, маменька, Бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

К а б а н о в а. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе, у тебя жена молодая.

К а б а н о в. Одно другому не мешает-с: жена сама по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

К а б а н о в а. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

К а б а н о в. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

К а б а н о в а. Ну да, да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

К а б а н о в. Думайте, как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

К а б а н о в а. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну, какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

К а б а н о в. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

К а б а н о в а. Как, зачем бояться! Как, зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

К а б а н о в. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

К а б а н о в а. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

К а б а н о в. Да я, маменька...

К а б а н о в а (*горячо*). Хоть любовника заводи! А! И это, может быть, по-твоему, ничего? А! Ну, говори!

К а б а н о в. Да, ей-богу, маменька...

К а б а н о в а (совершенно хладнокровно). Дурак! (Вздыхает.) Что с дураком и говорить! только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

К а б а н о в. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

К а б а н о в а. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

К а б а н о в. Нет, маменька! Сохрани меня Господи!

К а б а н о в а. То-то же! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е, без Кабановой.

К а б а н о в. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

К а т е р и н а. Чем же я-то виновата?

К а б а н о в. Кто ж виноват, я уж не знаю.

В а р в а р а. Где тебе знать!

К а б а н о в. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого!» А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

В а р в а р а. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. (Отворачивается.)

К а б а н о в. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

В а р в а р а. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

К а б а н о в. Ну, а что?

В а р в а р а. Известно, что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

К а б а н о в. Угадала, брат.

К а т е р и н а. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

В а р в а р а. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

К а б а н о в. Уж как не знать!

В а р в а р а. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

К а б а н о в. Я мигом. Подождите! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Катерина и Варвара.

К а т е р и н а. Так ты, Варя, жалеешь меня?

В а р в а р а (*глядя в сторону*). Разумеется, жалко.

К а т е р и н а. Так ты, стало быть, любишь меня? (*Крепко целует.*)

В а р в а р а. За что ж мне тебя не любить-то!

К а т е р и н а. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

В а р в а р а. Что?

К а т е р и н а. Отчего люди не летают!

В а р в а р а. Я не понимаю, что ты говоришь.

К а т е р и н а. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? (*Хочет бежать.*)

В а р в а р а. Что ты выдумываешь-то?

К а т е р и н а (*вздыхая*). Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

В а р в а р а. Ты думаешь, я не вижу?

К а т е р и н а. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы — у нас полон дом был странниц да богомолков. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать, где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

В а р в а р а. Да ведь и у нас то же самое.

К а т е р и н а. Да здесь все как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить!

Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь, в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану — у нас тоже везде лампадки горели — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мне не надобно было, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы, и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина (*помолчав*). Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

В а р в а р а. Что же с тобой такое?

К а т е р и н а (*берет ее за руку*). А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. (*Хватается за голову рукой.*)

В а р в а р а. Что с тобой? Здорова ли ты?

К а т е р и н а. Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

В а р в а р а. Ну?

К а т е р и н а. Да что же это я говорю тебе, ты девушка.

В а р в а р а (*оглядываясь*). Говори! Я хуже тебя.

К а т е р и н а. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

В а р в а р а. Говори, нужды нет!

К а т е р и н а. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я те-

перь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

В а р в а р а. Только не с мужем.

К а т е р и н а. А ты почему знаешь?

В а р в а р а. Еще бы не знать!..

К а т е р и н а. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

В а р в а р а. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

К а т е р и н а. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

В а р в а р а. Что ты! Бог с тобой! Вот, погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

К а т е р и н а. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

В а р в а р а. Чего ты так испугалась?

К а т е р и н а. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

В а р в а р а. А вот погоди, там увидим.

К а т е р и н а. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу!

В а р в а р а. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит Б а р ы н я с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Барыня.

Барыня. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. (*Показывает на Волгу.*) Вот, вот, в самый омут!

Варвара улыбается.

Что смеетесь! Не радуйтесь! (*Стучит палкой.*) Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой! (*Уходя.*) Вон, вон куда красота-то ведет! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала! я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, грозит на них палкой да кричит (*передразнивая*): «Все гореть в огне будете!»

К а т е р и н а (*зажмуриваясь*). Ах, ах, перестань!
У меня сердце упало.

В а р в а р а. Есть чего бояться! Дура старая...

К а т е р и н а. Боюсь, до смерти боюсь! Все она
мне в глазах мерещится.

Молчание.

В а р в а р а (*оглядываясь*). Что это братец нейдет, вон, никак, гроза заходит.

К а т е р и н а (*с ужасом*). Гроза! Побежим домой! Поскорее!

В а р в а р а. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

К а т е р и н а. Нет, домой, домой! Бог с ним!

В а р в а р а. Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

К а т е р и н а. А коли далеко, так, пожалуй, пождем немного; а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

В а р в а р а. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

К а т е р и н а. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да Богу молиться!

В а р в а р а. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

К а т е р и н а. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед Богом такая, какая

я здесь с тобой, после этого разговору-то, вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. (*Кабанову.*) Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в доме Кабановых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Глаша. Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша. Аль едет куда свет наш?

Глаша. Едет.

Феклуша. На́долго, милая, едет?

Глаша. Нет, нена́долго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас воеет когда?

Г л а ш а. Не слышать что-то.

Ф е к л у ш а. Уж больно я люблю, милая девушка-ка, слушать, коли кто хорошо воет-то!

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Г л а ш а. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете, что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Ф е к л у ш а. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Г л а ш а. Отчего ж к вам так много?

Ф е к л у ш а. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну, так что ж! По немощи моей Господь посылает.

Г л а ш а. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Ф е к л у ш а. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слышать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персид-

ский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами.

Г л а ш а. Отчего ж так, с песьими?

Ф е к л у ш а. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Г л а ш а. Прощай!

Феклуша уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Катерина и Варвара.

В а р в а р а (*Глаше*). Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. (*Катерине*.) Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось; вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Глаша уходит.

К а т е р и н а. И никогда не уходится.

В а р в а р а. Отчего ж?

К а т е р и н а. Такая уж я зародилась горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

В а р в а р а. Ну, а парни поглядывали на тебя?

К а т е р и н а. Как не поглядывать!

В а р в а р а. Что же ты? Неужто не любила никого?

К а т е р и н а. Нет, смеялась только.

В а р в а р а. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

К а т е р и н а. Нет, как не любить! Мне жалко его очень.

В а р в а р а. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.

К а т е р и н а (*с испугом*). Почему же ты заметила?

В а р в а р а. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли...

К а т е р и н а (*потупившись*). Ну, кого же?

В а р в а р а. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

К а т е р и н а. Нет, назови! По имени назови!
В а р в а р а. Бориса Григорьича.

К а т е р и н а. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради Бога...

В а р в а р а. Ну, вот еще! Ты сама-то, смотри, не проговоришь как-нибудь.

К а т е р и н а. Обманывать-то я не умею; скрыть-то ничего не могу.

В а р в а р а. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

К а т е р и н а (*после непродолжительного молчания, потупившись*). Ну так что ж?

В а р в а р а. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

К а т е р и н а (*потупившись еще более*). Где же видеться! Да и зачем...

В а р в а р а. Скучный такой...

К а т е р и н а. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

В а р в а р а. Да не думай, кто ж тебя заставляет?

К а т е р и н а. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче

ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

В а р в а р а. Ты какая-то мудреная, Бог с тобой! А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

К а т е р и н а. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

В а р в а р а. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

К а т е р и н а. Что я сделаю?

В а р в а р а. Да, что сделаешь?

К а т е р и н а (*решительно*). Что мне только захочется, то и сделаю.

В а р в а р а. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

К а т е р и н а. А что мне! Я уйду, да и была такова.

В а р в а р а. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

К а т е р и н а. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай Бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

В а р в а р а. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

К а т е р и н а. Ну зачем, Варя?

В а р в а р а. Да нешто не все равно?

К а т е р и н а. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

В а р в а р а. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

К а т е р и н а. Все как-то робко! Да я, пожалуй.

В а р в а р а. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

К а т е р и н а (*смотря на нее*). Зачем же тебе нужно?

В а р в а р а (*смеется*). Будем там воровать с тобой.

К а т е р и н а. Шутишь, должно быть?

В а р в а р а. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

К а т е р и н а. Где ж это Тихон-то?

В а р в а р а. На что он тебе?

К а т е р и н а. Нет, я так. Ведь скоро едет.

В а р в а р а. С маменькой сидят, запершись. То-чит она его теперь, как ржа железа.

К а т е р и н а. За что же?

В а р в а р а. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У нее сердце все изнает, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

К а т е р и н а. И на воле-то он, словно связанный.

В а р в а р а. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с Богом.

Кабанов. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабанов. Чего изволите-с?

Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза в землю.

Кабанов. Да она, чай, сама знает.

Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтoб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.

Кабанов (*становясь против Катерины*).
Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтoб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!

Кабанова. Чтoб сложа ручки не сидела, как барыня!

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!

К а б а н о в а. Чтоб в окна глаз не пялила!

К а б а н о в. Да, маменька, когда ж она...

К а б а н о в а. Ну, ну!

К а б а н о в. В окна не гляди!

К а б а н о в а. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!

К а б а н о в. Да что ж это, маменька, ей-богу!

К а б а н о в а (*строго*). Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. (*С улыбкой.*) Оно все лучше, как приказано-то.

К а б а н о в (*сконфузившись*). Не заглядывайся на парней!

К а т е р и н а строго взглядывает на него.

К а б а н о в а. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а б а н о в и К а т е р и н а стоит, как будто в оцепенении.

К а б а н о в. Катя!

Молчание.

К а т я, ты на меня не сердисься?

К а т е р и н а (*после непродолжительного молчания, покачав головой*). Нет!

К а б а н о в. Да что ты такая? Ну, прости меня!

К а т е р и н а (*все в том же состоянии, слегка покачивая головой*). Бог с тобой! (*Закрыв лицо руками.*) Обидела она меня!

К а б а н о в. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай, Катя!

К а т е р и н а (*кидаясь на шею мужу*). Тиша, не уезжай! Ради Бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

К а б а н о в. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

К а т е р и н а. Ну, бери меня с собой, бери!

К а б а н о в (*освобождаясь из ее объятий*). Да нельзя!

К а т е р и н а. Отчего же, Тиша, нельзя?

К а б а н о в. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то, а ты еще навязываешься со мной.

К а т е р и н а. Да неужели же ты разлюбил меня?

К а б а н о в. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю-то жизнь вот так жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

К а т е р и н а. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

К а б а н о в. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой остаешься.

К а т е р и н а. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! (*Плачет.*) Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

К а б а н о в. Да полно ты!

К а т е р и н а (*подходит к мужу и прижимается к нему*). Тиша, голубчик, кабы ты остался, либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого! (*Ласкает его.*)

К а б а н о в. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то так сама лезешь.

К а т е р и н а. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

К а б а н о в. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

К а т е р и н а. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

К а б а н о в. Какую клятву?

К а т е р и н а. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

К а б а н о в. Да на что ж это?

К а т е р и н а. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

К а б а н о в. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

К а т е р и н а (*падая на колена*). Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...

К а б а н о в (*поднимая ее*). Что ты! Что ты! Ка-
кой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос К а б а н о в о й: «Пора, Тихон!»

Входят К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, К а б а н о в а, В а р в а р а и Г л а ш а.

К а б а н о в а. Ну, Тихон, пора! Поезжай с Бо-
гом! (*Садится.*) Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! (*Встает, и все встают.*)

К а б а н о в (*подходя к матери*). Прощайте, ма-
менька!

К а б а н о в а (*жестом показывает в землю*).
В ноги, в ноги!

К а б а н о в кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

К а б а н о в. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

К а б а н о в а. Что на шею-то виснешь, бес-
стыдница! Не с любовником прощаешься! Он те-
бе муж — глава! Аль порядку не знаешь? В ноги
кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

К а б а н о в. Прощай, сестрица! (*Целуется с
Варварой.*) Прощай, Глаша! (*Целуется с Глашей.*)
Прощайте, маменька! (*Кланяется.*)

К а б а н о в а. Прощай! Дальние провода — лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К а б а н о в а (*одна*). Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кабанова, Катерина и Варвара.

К а б а н о в а. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

К а т е р и н а. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

К а б а н о в а. Хитрость-то не великая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я Богу молиться пойду; не мешайте мне.

В а р в а р а. Я со двора пойду.

К а б а н о в а (*ласково*). А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К а т е р и н а (*одна, задумчиво*). Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать — ангелы ведь это. (*Молчание.*) Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. (*Задумывается.*) А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня Богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша придет.

Входит В а р в а р а.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара (*покрывает голову платком перед зеркалом*). Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. (*Подает ключ.*) Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина (*с испугом, отталкивая ключ*). На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Катерина (*одна, держа ключ в руках*). Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. (*Подумав.*) Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел

случай, другая и рада: так, очертя голову, и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчее покажется. (*Молчание.*) А горька неволя, ох как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь? — живу — маюсь, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. (*Задумывается.*) Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. (*Задумчиво смотрит на ключ.*) Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. (*Прислушивается.*) Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. (*Прячет ключ в карман.*) Нет!.. Никого! Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж, знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да, может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь, что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена 1-я

Улица. Ворота дома Кабановых,
перед воротами скамейка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве; бегают народ взад да вперед неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегают. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный: людей не узнает, ему мерещится, что его манит некто; а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сей-

час видит, что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за ворота-то выдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то инда грохот идет; стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

К а б а н о в а. Слышала я, милая.

Ф е к л у ш а. А я, матушка, так своими глазами видела. Конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так (*растопыривает пальцы*) делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

К а б а н о в а. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Ф е к л у ш а. Что за крайности, матушка! Сохрани Господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днем в суете-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют, да как будто они что потеряли, либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

К а б а н о в а. Все может быть, моя милая! В наши времена чему дивиться!

Ф е к л у ш а. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

К а б а н о в а. Как так, милая, в умаление?

Ф е к л у ш а. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались; а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

К а б а н о в а. И хуже этого, милая, будет.

Ф е к л у ш а. Нам-то бы только не дожить до этого.

К а б а н о в а. Может, и доживем.

Входит Д и к о́й.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Д и к о́й.

К а б а н о в а. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Д и к о́й. А кто ж мне запретит?

К а б а н о в а. Кто запретит! кому нужно!

Д и к о́й. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..